

УДК 316.624.2

ВЛИЯНИЕ ДЕСТРУКТИВНЫХ ПАТТЕРНОВ ПОВЕДЕНИЯ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ НА ПОВЫШЕНИЕ ВЫРАЖЕННОСТИ УРОВНЯ АГРЕССИИ У АУДИТОРИИ

В данное время установлено, что средства массовой коммуникации могут влиять на личность как положительно, так и отрицательно. Если сообщения массовой коммуникации улучшают жизнь отдельного человека и социума, то это принимается и поощряется обществом. Большую озабоченность вызывает деструктивное влияние СМК на аудиторию. Особенно общественность обеспокоена воздействием масс-медиа на проявление агрессивного поведения получателей информации в реальном мире.

Современная информационная среда оказывает довольно существенное воздействие на психологическое состояние людей, особенно молодежи, паттерны их поведения в социальной и личной жизни, на их моральные и нравственные критерии, духовные ценности [3].

Актуальность статьи обусловлена тем фактом, что агрессивное поведение несет в себе значительную угрозу для членов общества. Его формы могут быть разнообразны, но все они приносят тот или иной ущерб и вызывают страдания у своих жертв. Исследователи изучают данный феномен давно и, тем не менее, до сих пор ведутся дискуссии о причинах его проявления. Среди наиболее обсуждаемых факторов, обуславливающих агрессивное поведение человека, – материалы с образцами насилия и паттернов агрессивного поведения, демонстрируемые средствами массовой коммуникации. Исследователи давно установили связь между просмотром агрессивного контента СМК и воспроизведением увиденных моделей [2]. Метаанализ 85 научных работ медианасилия и его связи с реальным насилием в обществе, представленный в

сборнике «Насилие в СМИ» под редакцией К. Вексера, выявил эту связь в 84 случаях. Только в одной из рассматриваемых работ корреляция не была обнаружена. Примечательно, что данное исследование было спонсировано телекорпорацией NBC [5].

Однако, выявленная взаимосвязь не получила однозначного объяснения и требует дальнейшего экспериментального изучения и анализа полученных фактов.

Цели статьи:

1. Обобщить существующую информацию о влиянии деструктивных паттернов поведения в средствах массовой коммуникации на повышение выраженности уровня агрессии у аудитории.

2. Предоставить результаты анкетирования по обозначенной тематике.

3. Разработать профилактические рекомендации.

Существуют разные точки зрения на влияние агрессивных материалов на аудиторию. Чаще всего противопоставляются биологический и социальный факторы. Так, изначально более агрессивные люди могут выбирать контент, содержащий насилие, или же они становятся агрессивными вследствие его просмотра. Также по-разному оценивается влияние просмотренного материала. Есть точка зрения, что человек агрессивен по своей природе, и наблюдение за жестокостью других, в том числе посредством массовой коммуникации, высвобождает подавленные импульсы, тем самым принося необходимую разрядку зрителю безопасным для окружающих способом. В двух других гипотезах, наоборот, сцены насилия в СМК постулируются в качестве причин агрессивного поведения зрителей. Согласно «Гипотезе катализатора» Л. Берковитца, сцены насилия являются своеобразными стимуляторами возбуждения и импульсивного поведения у зрителей. Они способствуют фокусировке на агрессивных воспоминаниях и идеях, что в итоге приводит к агрессивному поведению. Другая гипотеза утверждает, что насилие, увиденное в СМК, копируется аудиторией, становится моделью поведения и в дальнейшем входит в репертуар ее поведенческих реакций [4].

Исследования, проведенные Л. Берковитцом, А. Бандурой, Д. К. Клаппером, С. Фешбахом, Р. Бэроном, Д. Ричардсон и др. подтверждают вторую точку зрения [11]. Данные естественного эксперимента согласуются с фактами лабораторных исследований. Например, ограничение трансляций сцен насилия, демонстрируемых телевидением, уменьшало уровень агрессии в конкретной стране. В качестве иллюстрации можно привести ситуацию в Польше, где законодательно было определено максимально возможное количество сцен насилия в СМИ. Как следствие, отмечался меньший уровень выраженности агрессии у польской молодежи, чем в то же время у данной возрастной категории в США, где сообщения СМИ не контролировали по данному параметру [13].

В настоящий момент нет единой точки зрения на степень влияния массовой коммуникации на аудиторию. Так, существует подход, абсолютизирующий воздействие массовой коммуникации на сознание личности (теория максимального эффекта), игнорирующий влияние массовой коммуникации (теория минимального эффекта) и допускающий умеренное влияние на адресата [8]. Дж. Брайант предлагает не противопоставлять обозначенные позиции, а рассматривать их как уровни влияния на определенную часть аудитории, при котором воздействие может варьироваться от ограниченного до весьма сильного [1].

Относительно влияния СМК на агрессивность представлены данные, согласующиеся с обозначенными выше точками зрения. А. Бандурой было показано большое влияние демонстрируемых паттернов на поведение детей [12]. Обобщение данных М. Хогбеном показало умеренную, но убедительную взаимосвязь между наблюдением медианасилия и агрессивным поведением аудитории. Дж. Комсток отмечает влияние СМК на склонность зрителей к агрессивным паттернам поведения в дальнейшем в пределах 5–15 % [5].

Концепция Дж. Брайант хорошо согласуется со взглядами отечественных авторов. С. Л. Рубинштейн в сформулированном им принципе детерминизма писал о том, что действительность обуславливает психическую жизнь

опосредованно, преломляясь через личностные и познавательные свойства субъекта [10, с. 27]. Применительно к проблеме воздействия массовой коммуникации на аудиторию можно сказать, что результат воздействия определенного сообщения окажет разный результат на получателей информации. Какая-то часть аудитории отреагирует соответственно ожиданиям коммуникатора, реакция другой ее части может быть для него непредсказуема. Даже если целью коммуникатора, предлагающего зрителю сюжет, содержащий насилие, является его недопущение в дальнейшем, сам зритель волен интерпретировать его совсем по-другому.

СМК снабжают аудиторию сценарием действия различных форм агрессивного поведения: физической и вербальной, активной и пассивной, прямой и косвенной, направленной на других людей и на окружающие объекты, различными их комбинациями, а также на себя самого.

Мы получаем порочный круг: средства массовой коммуникации отображают события реальности, в которых есть насилие и драматизм, аудитория, подражая моделям поведения героев сообщений СМК, переносит насилие в реальность. Образцы для подражания есть в новостных выпусках, документальных фильмах, художественных фильмах, сериалах и даже в мультфильмах. Сюжеты новостей изобилуют фактами убийств, членовредительства, порчи имущества, расстрелов, военных действий, оскорблений, угроз и т. п. *Например, убийство Джорджа Флойда 25 мая 2020 г. полицейскими и его освещение в СМИ было в новостных сообщениях многих стран. Реакцией на него стали массовые беспорядки и необходимость ввода чрезвычайного положения в Миннеаполисе и окрестностях. Убийства и гибель известных людей, а также их агрессивные действия или направленные против них, становятся многократным новостным поводом, ретранслируемым в годовщины их смерти. До сих пор муссируется убийство Джона Кеннеди и обстоятельства гибели леди Дианы.* Многие кинофильмы, сериалы, развлекательные передачи посвящены событиям, жертвами которых являются люди или их группы. Популярные жанры киноиндустрии, такие как ужасы,

триллеры, боевики, детективы, extreme cinema, true crime и многие другие эксплуатируют потребность публики к наблюдению за насилием. Примеров множество, среди них можно назвать *«Техасская резня бензопилой»*, *«У холмов есть глаза»*, *«Хэллоуин»*, *«Пятница 13»*, *«Крик»*, *«Я знаю, что вы сделали прошлым летом»*, *«Поворот не туда»* *«Анатомия насилия»*, *«Я плюю на ваши могилы»*, *«Райское озеро»*, *«Мученицы»*, *«Последний дом слева»*, *«Джокер»*, *«Однажды в Голливуде...»*, *«Палач»*, *«Ворошиловский стрелок»*, *«Русский бес»* и многие другие.

С экранов телевизоров и мониторов на аудиторию выплескивается не только физическая, но и вербальная агрессия. Ненормативная лексика является ярким ее примером. Несмотря на законодательный запрет от 2014 года ее использования в теле и радиоэфире, проблема речевой агрессии остается актуальной. Разные ее формы демонстрируются как в новостных сообщениях, так и в разнообразном развлекательном контенте. Передаваемая в контексте сюжетов фильмов, сериалов, юмористических передач, вербальная агрессия начинает восприниматься аудиторией как часто употребляемая, исследователи отмечают также криминализацию лексики [11].

Если размывание норм в родном языке удручает, то последствия демонстрации массовых расстрелов являются непоправимыми.

Обратимся к проблеме скулшутинга в России, в освещении которой, на наш взгляд, средства массовой коммуникации играют значимую роль в демонстрации агрессивных паттернов поведения. Скулшутинг – феномен насильственных инцидентов с расстрелами школьников или стрельбой в школах (англ. – schoolshooting). Он возник в начале XX века, но получил распространение после расстрела Эриком Харрисом и Диланом Клиболдом учеников в школе «Колумбайн» штата Колорадо в США 20 апреля 1999 г. вследствие широкого и интенсивного освещения в СМК [7].

Новостные события, вызвавшие сильный общественный резонанс, часто подхватываются киноиндустрией. Колумбайн не стал исключением. Трагедия, унесшая 13 жизней, стала сюжетом для фильма *«Класс»* (2007) эстонского

режиссера Ильмара Раага. В 2016 году уже американский режиссер Брайан Боф снял фильм о массовом убийстве в школе Колумбайн под названием «Мне не стыдно». Сюжеты расстрела в образовательных учреждениях стали основой для художественных фильмов «Сердце Америки» Уве Болла (2002), «Нулевой день» (2003), «Слон» (2003) Гаса ван Сента, «Что-то не так с Кевином» (2011) Линн Рэмси, «Черный дрозд» (2012) Джейсона Бакстона и документального фильма «Боулинг для Колумбины» (2002) Майкла Мура. Существует вариант описания драматических событий расстрела в образовательном учреждении и в формате сериала. Необходимо отметить, что сериалы в настоящий момент занимают лидирующее место среди контента СМК у молодежи. Например, в одном из сезонов популярного в молодежной среде сериала «Американская история ужасов» обыгрывается сюжет скулшутинга. По результатам проведенного нами опроса в среде студентов главный герой данного сериала вызывал у части опрошенных симпатию и сочувствие, поскольку образ «стрелка» был представлен привлекательным и харизматичным актером. Данная тенденция в большей степени характерна для женской части аудитории подросткового возраста, которой свойственно романтизировать отрицательных героев.

3 февраля 2014 года – дата, отмеченная первым случаем скулшутинга в России. Сергей Гордеев открыл ящик Пандоры и количество убийств в образовательных учреждениях России с тех пор, к сожалению, растет. Насчитывается уже 18 случаев убийств в школах и колледжах России [7].

Детальная отчетность, широкое освещение в СМК информации об убийствах и самоубийствах впоследствии увеличивают частоту подобных событий. Колумбайн-эффект имеет много общего с синдромом Вертера – массовой волной подражающих самоубийств, которая возникает после самоубийства, широко освещенного в СМК, либо описанного в популярном произведении литературы или кинематографа. Роль подражания может быть косвенно подтверждена следующими данными. Все случаи скулшутинга были совершены молодыми людьми (мужчинами), большинство из них применило

огнестрельное оружие и/или планировало применить взрывчатые вещества. Прессой отмечались схожие характеристики убийц в поведении или одежде с Эриком Харрисом или Диланом Клиболдом. После расстрела жертв они сводили счеты с жизнью как, например, *Даниил Засорин и Владислав Росляков или планировали застрелиться, как Сергей Гордеев*. Обобщение данных по трагедиям в образовательных учреждениях привели авторов к выводу, что в 12 случаях из 23 состоявшихся и предотвращенных актах насилия просматривается влияние событий в Колумбайне [7].

В настоящий момент доминирует точка зрения, что не существует единого профиля скулшутера. Несостоятельной оказалась гипотеза о психических заболеваниях агрессоров, хотя некоторые из скулшутеров все же состояли на учете в специализированных учреждениях. А. Ю. Карпова, Н. Г. Максимова приводят данные о 4 из 23 (17 %) случаев. В то же время можно предположить, что влияние на стрелков опосредуется внутренними условиями – их личностными характеристиками. Мотивы убийств могут быть разнообразны, например, защита своего «Я», стремление к превосходству и доминированию, идентификация с героизированными образами, получение удовольствия от наблюдения за страданиями других, месть, личная неприязнь, расширенный суицид и др. Среди причин, обуславливающих такое поведение можно назвать конфликты с учителем или учащимися, оскорбления и унижения, буллинг, психологический кризис. *Например, у Сергея Гордеева не было конфликта с его жертвой, в СМИ упоминается усталость старшего школьника от жизни и страх. Даниил Засорин выбирал свои жертвы, отпуская людей, не причастных к его обидам*. В этом случае явно прослеживается мотив мести.

Несмотря на свои различия, скулшутеры привлекают определенную аудиторию, которая фиксирует внимание на трагических событиях, оставаясь равнодушной к их жертвам. Социологический опрос 1152 школьников Москвы, проведенный Центром социологии образования РАО, показал, что просмотр сцен насилия приносит удовольствие 10,9 % опрошенным, 2,8 % учащихся

целенаправленно выбирают агрессивный контент. К. А. Тарасов приводит сведения о 6 % российских подростков, считающих, что жестокие фильмы учат, как нужно овладевать искусством насилия. Насилие на экране вызывает положительные эмоции у 39–43 % подростков, склонных к хулиганским поступкам и участию в драках [6].

Дж. Райтанен, А. Оксанен, проводя этнографическое исследование, обнаружили, что подростки, интересующиеся тематикой скулшутинга, не образуют однородную группу, и делятся внутри субкультуры на четыре подгруппы в зависимости от их интересов и моделей поведения: исследователи, фанаты, колумбайнеры и подражатели [7]. При этом только подражатели являются теми, кто заинтересован в тиражировании агрессивных действий. Помимо подражателей, другие подгруппы также участвуют в романтизации преступников и распространении идей скулшутинга. Пользователи, интересующиеся событиями, связанными со скулшутингом, считают себя равнодушными, добрыми и хорошими людьми, друзьями, объединенными общей трагедией. В основном эти определения касаются пользователей сообществ, посвященных Даниилу Засорину. Они испытывают чувство боли, жалости, утраты, шока, несправедливости по отношению к произошедшему, и в то же время надеются на «справедливое расследование». Отметим, для них «справедливым расследованием» является оправдание действий Даниила и признание факта его травли другими студентами колледжа, наказание виновных студентов.

Масштабное освещение в СМК инцидента с керченским стрелком породило случаи подражания и героизацию преступников в среде российских скулшутеров. В 2 случаях скулшутинга (Казань 2021, Пермь 2021) отмечается прямое копирование, вдохновленность образом и героизация керченского стрелка. Эффект подражания сработал и в случае первого инцидента скулшутинга 2014 г. В социальных сетях опьяненные «славой героев», сотворенной СМИ, молодые люди создали и продолжают создавать фан-клубы,

сообщества, названные в честь стрелков, тиражируя преступные идеи и способы достижения личных целей через применение насилия.

В качестве иллюстрации различного отношения к сообщениям СМК, демонстрирующим насилие, можно привести наше пилотное исследование. Нами был проведен опрос молодых людей после сообщений о массовом убийстве в Пермском государственном университете 20 сентября 2021 года среди учащихся и молодых специалистов Пятигорского государственного университета. В опросе приняли участие 102 человека. Возраст опрашиваемых варьировался от 15 до 30 лет (76,5 % молодые люди до 20 лет, 23,5 % – от 21 до 30 лет). Данная возрастная группа в большей степени подвержена риску копирования агрессивных паттернов поведения и поэтому была выбрана в качестве испытуемых для исследования. Основной контингент – студенты – 87,3 %. Малую часть выборки составили старшие школьники – 9,8 %, 2,9 % – сотрудники Пятигорского государственного университета. Женская аудитория составила большинство – 86 %. Большая часть опрашиваемых согласилась, что проблема агрессивного поведения и массового насилия актуальна в современном мире (69,6 %). Сообщение о массовых убийствах в образовательных учреждениях вызывали у опрашиваемых разные чувства. Чаще всего назывались такие эмоции: страх (68 % испытуемых), злость (56 %), беззащитность (43 %), отчаяние (39 %). 11 % опрашиваемых демонстрируют безразличие. 23 % имеют другие переживания, характеристики которых они не раскрыли. Только 41,7 % считают, что у нападавших не может быть веских причин для нападения. При этом 25 % думают, что такие причины возможны. Остальные не знают или не задумываются над этим. Определенные опасения вызывают следующие данные: около 10 % опрошенных отметили симпатию к скулшутерам, а 38 % могли бы понять убийцу. При этом 58 % считают, что преступники были сами жертвой насилия. Справедливости ради следует отметить, что 80 % опрашиваемых испытывают гнев и отвержение к преступнику, и 71 % – недоумение. 10 % испытывают другие эмоции, не уточняя их содержания.

Исключить влияние на аудиторию образовательных учреждений информационных сообщений, демонстрирующих акты насилия, не представляется возможным. Как было сказано выше, одно и то же сообщение может вызывать противоположные эффекты у его получателей. В целях обеспечения безопасности образовательной среды необходимо проводить профилактические меры, направленные на выявление и устранение потенциальных угроз. Нами предлагаются следующие рекомендации:

1. Повышение общих требований безопасности: усиление охраны и тщательная проверка на предмет наличия всех видов оружия, любых колющих и режущих предметов, взрывоопасных веществ, любых самодельных предметов и инструментов для их создания (изолента, веревка, гайки и гвозди, и т. п.); рекомендуется усиление техники безопасности с колюще-режущими предметами (канцелярские ножи, ножницы и т. п.). Затрудненный доступ к предметам, которые могут быть использованы против других людей или их имущества (особенно упомянутые в СМК), становится дополнительным препятствием к реализации актов насилия и способствует угасанию агрессивных импульсов у потенциальных преступников.

2. Привлечение специалистов, в том числе штатного психолога, к анализу психологического состояния учеников учебного заведения на предмет наличия признаков риска в поведении.

3. Осуществление мониторинга готовности к совершению деструктивного действия учащихся специалистами. Особенно внимательно нужно отслеживать поведение тех обучающихся, которые имеют схожие со скулшутером социально-психологические характеристики. Оценка может включать в себя высказывания о насилии или одобрении подобных действий другими людьми, а также использование в речи криминализированной лексики, подражание образу преступников, повышенный интерес к оружию. Готовность к совершению насилия может быть проявлена на разных уровнях. Так, это может быть размышление о возможности насилия (когнитивный уровень), формирование

подобного намерения (потребностно-мотивационный уровень), планирование и совершение акта агрессии (поведенческий уровень):

1. На уровне размышлений о возможности совершения деструктивного деяния поведенческие признаки единичны, больше вербальных и невербальных проявлений (внешний вид, подбор фото и видео контента в соцсетях). Потенциальный преступник размышляет о возможности того, что подобный инцидент может произойти поблизости или восхищается подобными действиями совершенными другими;

2. На втором уровне поведенческие признаки становятся более выраженными – потенциальный преступник говорит о возможности совершения акта массового насилия в образовательном учреждении;

3. На третьем уровне он уже говорит о будущем планируемом событии, сообщает об инциденте, говорит о нем как о совершенном действии, например, «когда я вас расстреляю», или сообщает о подготовке к инциденту напрямую.

4. При обнаружении признаков риска поведения у ученика установить за ним очевидное наблюдение на весь год.

5. В качестве профилактических мер проводить диагностическую и коррекционную работу с группой риска. В частности, это могут быть групповые тренинги со штатным психологом для учащихся из группы риска (при наличии соответствующих компетенций у психолога).

6. Организовать инструктаж педагогического состава на предмет выявления признаков риска в поведении учеников:

– на этапе размышления о возможности необходимо разъяснить негативные последствия такого поведения, аккуратно переключить внимание на другую сферу;

– на этапе формирования намерения необходимо развенчать возможность решения его проблем посредством насилия, а затем, используя имеющиеся ресурсы, приступить к решению проблем учащегося, оказывать ему психолого-педагогическое сопровождение.

– на этапе планирования необходимо акцентировать внимание на опасных последствиях такого поведения для него самого, а затем, используя ресурсы, помочь в решении проблем учащегося и поставить его на учет психолога для коррекционной работы.

7. При обнаружении признаков высокой готовности к совершению деструктивного деяния подростка необходимо изолировать от других обучающихся и привлечь требуемых специалистов (психолог, психиатр, полицейский, нарколог и т. п.);

8. Для реализации профилактических мер по противодействию скулшутинга необходимо установить и поддерживать контакт с учениками из групп риска. Его формирование должно включать в себя процедуры эмоционального «присоединения». Без осуждения и угроз важно узнать, почему молодой человек интересуется фактами массового насилия, установить какие у него есть проблемные зоны и ресурсы для их устранения.

9. Исключить профилактические беседы администрации школы с учеником и его родителями по факту обнаружения признаков риска поведения у ученика (не допускать к ученику с выявленными признаками риска специалистов, не имеющих психологического образования и опыта/знаний в сфере взаимодействия с молодыми людьми с аналогичным риском поведения). Соблюдать конфиденциальность полученной диагностической информации и не допускать ее утечки в классные или родительские чаты.

10. Включить в воспитательный процесс обучающихся программу по развитию навыков «мирного» разрешения конфликтов.

11. Исключить возможность борьбы и противостояния учеников с администрацией учебного заведения. При возникновении конфликтных ситуаций, неизбежных в образовательном процессе, оказывать правовую поддержку всем конфликтующим сторонам.

12. Информировать учеников о последствиях противоправных действий, направленных против других людей и их имущества. Последовательно вводить санкции против буллинга (как на территории школы, так и за ее пределами).

13. Выработать процедуры борьбы с буллингом. При его обнаружении решать проблему индивидуально с участниками конфликта, не выносить его на публичное обсуждение. Оказать поддержку жертве, применить жесткие санкции против нападающих. В дальнейшем скорректировать систему взаимоотношений в коллективе.

14. Организовать дополнительные возможности для психологической разгрузки и отдыха учеников на территории учебного заведения.

Данная статья представляет собой анализ совокупности факторов, предшествующих подобного рода происшествиям, для проектирования психологически безопасной среды образования, способствующей противостоянию личности деструктивным внешним и внутренним воздействиям. Наиболее эффективным подходом к противодействию угрозе скулшутинга будет пересмотр подхода к широкому освещению в СМК подробностей, имен и деталей инцидентов скулшутинга. Эффект подражающих инцидентов – это следствие трагедии, преобразованной СМК в сенсацию. СМК должны быть ответственными в представлении фактов, которые провоцируют эффект заражения молодежи деструктивными идеями. Уже разработаны подобные рекомендации относительно представления в СМК информации о самоубийствах [9]. Не надо называть имени преступника, иначе это будет ему рекламой и позволит остаться в истории. Важно не делать из него героя и не романтизировать его образ для подражателей. Имеет смысл отказаться от употребления термина «стрелок», имеющего яркую героическую коннотацию, а использовать термины убийца, преступник и т. п. Информация в СМК должна содержать минимальные подробности о событии: где и как было совершено нападение, кто пострадал. Без необходимости не фокусироваться на мотивах преступников. Важно минимизировать возможность идентификации зрителей с преступником и не давать аудитории деструктивных моделей поведения.

Подводя итоги, можно сказать, что сцены насилия, демонстрирующие асоциальные модели поведения, наполненные драматизмом, оказывают влияние на аудиторию и могут повышать уровень ее агрессии. Количественный

и качественный характер этого влияния будет различаться в зависимости от внутренних условий каждого получателя информации. Такие личностные особенности, как фрустрированные актуальные потребности, прохождение личностного кризиса, особенности познавательной сферы, влияющие на интерпретацию событий, отсутствие или низкий уровень выраженности эмпатии, острое переживание обиды, депрессивные состояния и др. могут быть тем фильтром, который будет преобразовывать контент СМК и способствовать реализации асоциальных паттернов поведения в реальности.

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется влияние СМК на реализацию агрессивных паттернов поведения. Рассматриваются особенности деструктивного влияния сообщений СМК на формирование и реализацию антисоциальных и девиантных форм поведения, особенно в молодежной среде. Анализируется уровень разработанности проблемы скулшутинга. Рассмотрена сложность проблемы школьной стрельбы. На основе анализа освещения случаев скулшутинга обосновывается необходимость пересмотра формата преподнесения информации СМК. В статье представлены результаты авторского анкетирования и рекомендации для образовательных организаций по работе с группой риска.

Ключевые слова: средства массовой коммуникации, школьный стрелок, скулшутинг, массовый убийца, преступник-подражатель, молодежь.

SUMMARY

The article is devoted to the study of media influence on the aggressive patterns of behavior. The features of media destructive influence on the development of antisocial and deviant forms of behavior, especially in the youth environment, are considered. The problem of schoolshooting and the level of its development are analyzed in the article. The thematic complexity of the problem of schoolshooting is considered. As a result of the media coverage analysis of schoolshooting cases, the authors substantiate the need to revise the format of presenting information to the

media. The article presents the results of the author's survey and recommendations for educational organizations to work with a risk group.

Key words: mass media, school shooter, schoolshooting, mass murderer, copycat criminal, youth.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брайант Д. Основы воздействия СМИ. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2004. – 419 с.
2. Бэрн Р. Ричардсон Д. Агрессия. – СПб.: Питер, 1998. – 336 с.
3. Воронкина Л. Б. Информационно-психологическая безопасность как основа профилактики агрессивности в молодежной среде // Университетские чтения – 2019: материалы научно-методических чтений ПГУ. – 2019. – С. 65–69.
4. Дроздов А. Ю. «агрессивное» телевидение: социально-психологический анализ феномена [Электронный ресурс]. – URL: <https://ecsocman.hse.ru/data/568/841/1231/009drozdov.pdf>.
5. Жмуров Д. В. Сценарная агрессия. Влияние СМИ на криминализацию молодежи [Электронный ресурс]. – URL: <https://refdb.ru/look/1964653-p2.html>.
6. Ильин Е. П. Психология агрессивного поведения. – СПб.: Питер, 2014. – 368 с.
7. Карпова А. Ю., Максимова Н. Г. Скулшутинг в России: что имеет значение? [Электронный ресурс] // Власть. – 2021. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/skulshuting-v-rossii-chto-imeet-znachenie>.
8. Почепцов Г. Теория коммуникации. – М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2001. – 656 с.
9. Рекомендации по распространению в СМИ информации о случаях самоубийства (rospotrebnadzor.ru) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/upload/iblock/2a1/rekomendatsii-smi-_4_.pdf.
10. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер Ком, 1999. – 720 с.

11.Салмина Д. В., Куликова И. С. Проблемы современного терминоведения. Лингвистические термины за пределами специального текста: учебное пособие для вузов. – М.: Юрайт, 2021. – 325 с.

12.Харрис Р. Психология массовых коммуникаций. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 448 с.

13.Челышева И. В., Кобышева Л. И. Медиаобразовательные возможности аудиовизуальных медиатекстов на школьную и студенческую тему [Электронный ресурс] // CredeExperto: транспорт, общество, образование, язык. – 2019. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediaobrazovatelnye-vozmozhnosti-audiovizualnyh-mediatekstov-na-shkolnuyu-i-studencheskuyu>.